М. А. Косогорова

ТРИ ТИПА КОНТАКТОВ ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗНЫЕ УРОВНИ ЯЗЫКА

0. Введение

Язык пулар-фульфульде (также известный под названиями фуль, пёль и фула) принадлежит к западноатлантической семье, но частично расположен далеко за пределами ее ареала. Этим он обязан основному традиционному ремеслу его носителей, фульбе, — отгонному скотоводству: благодаря такому образу жизни носителей, в настоящее время язык имеет уникальный, дисперсный, ацентрический ареал, расположенный на территории южнее Сахары от Сенегала до (по последним данным) Эфиопии и Сомали и насчитывающий около десяти разномасштабных взаимопонятных идиомов. Со временем фульбе осели на всей охваченной территории, образовав сложную систему дисперсно расположенных идиомов, неизбежно контактирующих с местным населением в большей степени, нежели при кочевом образе жизни. Контакт фульбе с местным населением (в зависимости от идиома — манде, хауса, канури, сонгай, волоф, сараколе и пр.), помимо бытовой сферы, касался также сферы культуры и религии, поскольку этот народ традиционно выполнял функцию проводника ислама в Субсахарской Африке, контактируя с арабоязычными народами на востоке ареала. С эпохой колонизации в сферу контактов языка пулар-фульфульде попали также ареально далекие европейские языки.

Семантические поля, в которых на пулар-фульфульде в области лексики повлияли европейские языки, весьма ограничены и в целом не отличаются от аналогичных полей для прочих африканских языков, лексика которых обогатилась в колониальную эпоху под влиянием языков метрополии. Семантические же зоны контакта пулар-фульфульде с местными языками представляют особый исследовательский интерес,

поскольку их взаимовлияние, помимо очевидных семантических полей, обнаруживается порой и в семантических полях, обслуживающих весьма неожиданные сферы жизни.

В разделе будут рассмотрены примеры трех основных типов лексических заимствований языка пулар-фульфульде, обусловленных разными типами ситуаций языкового контакта. На примере наиболее распространенного в ареале европейского языка — французского — будут рассмотрены стратегии адаптации заимствований[1] из ареально и культурно далекого контактного источника. При анализе заимствований из арабского языка были учтены данные двух дистантных идиомов пулар-фульфульде — прямо контактирующего с арабоязычными народами и использующего арабский в качестве лингва франка и не контактирующего напрямую с языком-источником — с целью определения семантических полей заимствуемой лексики при прямом и при опосредованном контакте языков. В качестве локального контакта будет рассмотрено влияние на фульфульде-джамааре языка хауса и определены семантические поля заимствуемой лексики при номадно-оседлом контакте.

При интродукции заимствований язык пулар-фульфульде придерживается вполне определенных стратегий. Так, при адаптации существительных в именную систему необходимо присвоение заимствованию какого-либо именного класса (подробнее об адаптации именных заимствований см. [Коваль 1997; 1998; Косогорова 2014]). Наиболее простой (и распространенной) тактикой в этом направлении является грамматическое освоение всех заимствованных имен существительных путем их отнесения в класс заимствований, или «свалочный класс». Так, для идиома фута-джаллон (западная диалектная зона, Гвинея) таким классом является неличный подкласс лично-сингулярного класса o. Например, в (1) заимствование адаптировано по классу o, неличный подкласс, что демонстрирует, главным образом, внешний вид классного артикля, поскольку данный подкласс использует нулевое воплощение классного аффикса. К тому же, при нулевом аффиксальном показателе класс имени определяется по прочим согласованным зависимым, например согласованному определению или относительному местоимению, или путем замены имени на местоимение.

[1] Уточним, что будем считать заимствования, пришедшие через некоторый язык, как пришедшие из этого языка вне зависимости от того, что в нем самом это заимствованная, а не исконная лексика.

(1) pikir on
pikir- Ø on
укол- sgO Def.sgO
‘укол’ < франц. *piqûre*

Менее распространенные тактики адаптации новых заимствований основываются на формально-фонетическом (см. (2a)) или семантическом (см. (2b)) принципе именной классификации. Со временем заимствование может выйти из «свалочного» класса и быть оформлено по какому-либо другому классу с использованием тех же принципов.

(2) a. lekkol ngol
lekkol ngol
школа.sgNGOL Def.sgNGOL
‘школа’ < франц. *l’école*

b. tamaroohi kin
tamaro|o- hi kin
финик- sgKI sgKI
‘финиковая пальма’ < араб. ‘финик’ تمر [tamr-]

Формально-фонетический принцип использует формальное сходство финальной части исходной лексемы с аффиксальным показателем какого-либо именного класса и определяет заимствование в этот класс. Однако такая схема представляет трудности при образовании производных форм, например множественного числа, поскольку фактическое разложение исходной лексемы на морфемы не всегда возможно. В таких случаях язык использует тактику наращивания дополнительного аффикса, что, разумеется, выдает неисконное происхождение слова. Также адаптированные таким образом заимствования не участвуют в системе анлаутных чередований (изменение начального согласного корня в зависимости от именного класса) и не участвуют в системе семантической классификации, поскольку адаптированы формально-фонетически.

С другой стороны, семантический принцип адаптации заимствований основывается на семантическом принципе именной классификации, согласно которому каждый именной класс включает в себя существительные с определенным семантическим значением. Заимствование определяется в тот класс, семантическое поле которого подходит для него больше других (независимо от формальной поддержки со стороны заимствованного слова), и оформляется соответствующим аффиксом (в примере 2b — sgKI, класс «дерева»). Такие заимствования

также не участвуют в системе анлаутных чередований, но отличаются большей деривационно-морфологической продуктивностью, нежели те, которые были адаптированы по формально-фонетической модели.

При анализе нам также встретились примеры, адаптированные как формально-фонетически, так и семантически; их можно считать наиболее полно встроенными в язык. Однако даже в случае совпадения ступени анлаута с требованиями сингулярного класса, при образовании множественного числа анлаут не изменится, то есть даже максимально адаптированное именное заимствование не будет участвовать в системе начальных чередований и при образовании производных будет демонстрировать свое неисконное происхождение. Пример (3a) демонстрирует заимствование из арабского языка, которое адаптировалось по классу NDE и имеет соответствующую этому классу ступень начального согласного, однако при постановке его во множественное число эта ступень сохраняется, что противоречит канонам языка и указывает на заимствованное происхождение лексемы. В примере (3b) для сравнения приведено корректное оформление анлаута при образовании множественного числа от имен класса NDE.

(3) a. sallikeere — nde
sallike|e- — re — nde
место.молитвы- — sgNDE — Def.sgNDE
sallikeeje — ɗe
sallike|e- — je — ɗe
место.молитвы- — plʼDE — Def.plʼDE
‘место молитвы’ < араб. صلاة [ṣalāt-] ‘молитва’

b. {FJ}
sammunde — nde — nde — — cammulle — ɗe
sammu- — nde — nde — cammul|le — ɗe
еж- — sgNDE — Def.sgNDE — еж.plʼDE — Def.plʼDE
‘еж’ — ‘ежи’

1. Контактное влияние со стороны французского языка

Основными европейскими донорами для языка пулар-фульфульде стали (в порядке убывания) Франция, Англия и Португалия. Однако

необходимо отметить, что первые контакты фульбе с португальскими мореплавателями произошли не позднее XVII в., что почти на двести лет раньше контактов с французским языком. Но, несмотря на менее длительный период взаимодействия, французский язык на сегодняшний момент является основным европейским источником заимствований для пулар-фульфульде, поскольку бóльшая часть стран его ареала (в том числе Гвинея, Сенегал, Мали, Буркина-Фасо, Судан, Нигер, Чад и Мавритания) находилась на французской колониальной территории и до сих пор входит в сферу французского влияния.

Активный контакт пулар-фульфульде с французским языком начался в конце XIX в. Письменные источники более раннего периода демонстрируют минимальное количество европейских заимствований. Однако французская колониальная языковая политика побуждала носителей местных языков использовать французский в максимально возможном спектре коммуникативных ситуаций, так что большая часть неологизмов, неизбежно появляющихся в языке в связи с техническим и социальным прогрессом, заимствована на территориях бывших французских колоний из французского.

1.1. Именные заимствования

Переходя к французским именным заимствованиям, следует отметить, что в подборке заимствований, приводимых по корпусу идиома фута-джаллон [Корпус пулар] и словарю Г. В. Зубко [Зубко 1980], насчитывается около двух тысяч заимствований, из них именных чуть более полутора тысяч. Такое соотношение ожидаемо, встречается во многих языках мира и указывает на более значительную, нежели в случае адаптации глаголов и прочих частей речи, готовность пулар-фульфульде принимать именные заимствования, несмотря на довольно сложную технологию их адаптации и классификации. Также отметим, что выбор источников обуславливает большее внимание к данным идиома пулар фута-джаллон.

1.1.1. Формально-грамматическая адаптация

Итак, принцип формально-грамматической адаптации заимствований, или приписывание их к «свалочному» классу o неличного подкласса (подробнее об именах личного подкласса класса o см. 1.1.3),

является доминирующим для заимствований из французского языка: более половины заимствований адаптированы в язык именно таким способом, что для большинства идиомов пулар-фульфульде (исключая восточную зону, где для формальной адаптации заимствований используются другие классы, как ƊUM или NGA) является достаточно большим соотношением, заимствования из манде или из хауса адаптируются по прочим классам чаще. На данном этапе трудно сказать, является ли причиной этого сравнительно недолгая история контакта языков, из-за чего пулар-фульфульде мог не иметь достаточно времени, чтобы более полноценно адаптировать заимствования, либо значимые типологические и морфонологические различия языка-донора и языка-реципиента, вследствие которых приведение лексики одного языка к морфонологическим канонам другого затруднительно. Скорее всего, здесь имеет место сочетание обеих причин, речь об этом пойдет чуть ниже. Выбор же именно неличного подкласса o обусловлен тем фактом, что этот подкласс оформляет поступающие в него лексемы с помощью нулевого классного аффикса. Это исключает необходимость дополнительной фонетической адаптации основы классному показателю, что необходимо делать во всех остальных классах.

Если рассматривать заимствования, адаптированные формально-грамматическим способом, с точки зрения морфонологии, то можно заметить, что эта группа неоднородна в степени своей адаптации. Среди таких лексем можно встретить фонетически видоизмененные, чтобы структура слога заимствования (CVC) больше походила на структуру слога пулар-фульфульде (CV). К ним относятся, например, такие заимствования, как:

> *adereesi* ‘адрес’ < *adresse*; *almeeti* ‘спичка’ < *alumette*; *ambaraa* ‘амбра’ < *ambre*; *ekspooru* ‘опыт’ < *expérience*; *estaati* ‘статуя’ < *statue*; *baaraasi* ‘заграждение’ < *barrage*; *bisikileeti* ‘велосипед’ < *bicyclette*; *dekere* ‘декрет’ < *décret*; *feeru* ‘утюг’ < *fer*; *formaasi* ‘сыр’ < *fromage*; *furseeti* ‘вилка’ < *fourchette*; *kaaru* ‘автобус’ < *char* ‘повозка’; *legiimu* ‘овощ’ < *légume*; *moodu* ‘мода’ < *mode*; *pileeti* ‘блюдо’ < *plat*; *pompiteeri* ‘картофель’ < *pomme de terre*; *seesi* ‘стул’ < *chaise*; *weeru* ‘стакан’ < *verre* и мн. др.

Выбор вокалической финали (в основном, расширителем в конце слова выступает *-i* или *-u*) происходит в результате частичной гармонизации с вокализмом основы. Также в примерах можно наблюдать результат таких фонологических приемов адаптации, как вокалическая разрядка

консонантных групп, метатеза, вокалическая огласовка исхода слова. Фонологическая адаптация, помимо приведения лексемы в соответствие с канонами пулар-фульфульде, также сочетается с возможностью в перспективе присвоить этим лексемам именной класс, поэтому, например, в *formaasi* ‘сыр’ ассимиляция уступает возможности адаптировать лексему к классу NDI. Также в представленной выборке наблюдается тенденция к адаптации по классам NDU (*ekspooru*, *feeru*, *moodu*, *legiimu*, *weeru*) и, возможно, NDE (*dekere*), хотя единичность этого примера может также указывать лишь на действие здесь фонологических процессов.

Особое внимание необходимо обратить на те немногочисленные примеры, которые пошли дальше по пути фонетической адаптации, все еще находясь при этом в классе O. К ним относится, например, лексема *labutaane* ‘больница’ < *l’hôpital* (некоторые французские заимствования попадают в пулар вместе с определенным артиклем, что имеет и побочный положительный эффект: звук *l* не участвует в системе начальных чередований, а значит, и лексема из этой системы исключается), где исходная основа расширена с упорядочиванием по долготе и финальный согласный заменен на ассимилированный по месту образования вариант. Еще более явно расширение основы с целью адаптации заимствования можно наблюдать в лексеме *kakumboosiire* ‘огурец’ < *concombre*, а в корпусе даже встретилось разовое употребление *hakumboosiire*, адаптированное по классу NDE как с точки зрения аффикса класса, так и с точки зрения ступени начального согласного. Более того, при образовании множественного числа от этого имени *kakumboosiije* также оказывается полностью адаптированным. Этот пример может служить образцом перехода заимствования из разряда формально-грамматически адаптированных в разряд адаптированных полностью.

Заметим также в подтверждение изложенной выше гипотезы о порядке уровней адаптации, что все заимствования, которые так или иначе начали свой путь от формально-грамматической к последующей фонетической адаптации, относятся к менее современной и более общеупотребительной лексике, нежели те, которые еще не вступили на этот путь. Таким образом, возраст заимствования, хотя бы и на таком небольшом промежутке контакта — менее двухсот лет, — все же влияет на степень его адаптации.

Особняком держится группа грамматически адаптированных заимствований, которые, ввиду своей исходной слоговой структуры в финали, не нуждаются в первичной фонетической доработке. К ним относятся такие, например, заимствования, как:

kolonyi ‘колония’ < *colonie*; *kuruyee* ‘почта’ < *courier*; *lastriiki* ‘электричество’ < *l’électricité*; *buuzi* ‘свеча’ < *bougie*; *morso* ‘наживка, приманка’ < *morceau* ‘кусок’; *meday* ‘медаль’ < *médaille*; *nimoro* ‘номер’ < *numéro*; *batoo* ‘лодка’ < *bateau*; *suuseeti* ‘общество’ < *société*.

Из-за структурной особенности этих лексем кажется невозможным предположить время пребывания в пулар-фульфульде большинства из них.

Третья группа грамматически адаптированных заимствований — это те, которые еще не подверглись фонетической обработке, сохранив свой, зачастую чуждый с точки зрения пулар-фульфульде, вид. Среди них можно перечислить следующие:

bank ‘банк’ < *banque*; *bagaas* ‘багаж’ < *bagage*; *buket* ‘букет’ < *bouquet*; *farin* ‘мука’ < *farine*; *fur* ‘печь’ < *four*; *kamion* ‘грузовик’ < camion; *kulor* ‘цвет’ < *couleur*; *leeter* ‘письмо’ < *lettre*; *montor* ‘часы’ < *montre*; *pikir* ‘укол’ < *piqûre*; *pon* ‘мост’ < *pont*; *tarakteer* ‘трактор’ < *tracteur*; *teren* ‘поезд’ < *train*.

У многих из этих лексем есть фульские аналоги, что частично могло обусловить отсутствие необходимости дальнейшей адаптации этих заимствований к языку. Также часть из них принадлежит к более современному пласту лексики, заимствованному во время поздних контактов постколониальной эпохи.

1.1.2. Фонетическая адаптация

Фонетически адаптированные именные заимствования из французского языка — это немногочисленная группа, которая отличается резким расхождением значения заимствования и семантического поля именного класса, в который оно было определено по принципу внешне-фонетического сходства. К таким заимствованиям относятся:

lekkol ngol ‘школа’ < *l’école*; *kamisol ngol* ‘костюм’ < *camisole* ‘кофта’; *larme den* ‘армия’ < *l’armée*; *mece den* ‘профессия’ < *métier*; *poropakande nden* ‘пропаганда’ < *propagande*; *santral ngal* ‘центральная электростанция’ < [station] *centrale* [électrique]; *sinyal ngal* ‘сигнал’ < *signal*; *surnal ngal* ‘газета’ < *journal*; *taabal ngal* ‘стол / доска’ < *table*.

Такой принцип адаптации, в общем, является тупиком: заимствование, поступившее в язык по этому пути, может лишь стать более адаптированным с формально-фонетической точки зрения, но с точки зрения семантической классификации оно никогда не сможет по-настоящему встроиться в язык. Многие из этих заимствований при попытке образовать дериваты оказываются неразложимы на основу и показатель класса, так что множественное число, например, может образовываться только методом наращивания аффикса на основу, что еще больше выдает «чужаков» в получившихся словоформах. Некоторые из этих словоформ, в частности *taabal ngal* ‘стол’, в настоящее время имеют тенденцию к реклассификации по классу o — *taabal o*, что дает им в перспективе возможность дальнейшей адаптации. Длительность пребывания в языке для этих лексем с точки зрения грамматики из-за отсутствия прогресса в адаптации установить также не удается.

1.1.3. Семантическая адаптация

Семантический принцип адаптации — это еще один продуктивный способ классифицировать заимствование, в котором выбор именного класса зависит от значения лексемы и который обладает к тому же большой морфологической гибкостью. Лексемы, адаптированные таким образом, имеют хорошую деривационную производность, и хотя их происхождение все равно возможно определить, с течением времени и долей везения это становится сделать все труднее.

Одним из основных технических способов адаптировать заимствованную лексему согласно семантическому принципу является расширение основы (включение в ее состав деривационных аффиксов), допускающее некоторое преобразование (в том числе усечение, а также фонетические процессы на стыке морфем) исходной лексемы. Так адаптировались, в частности:

> *armuaar|u-wal ngal* ‘шкаф’ < *armoire* (лексика класса NGAL, в числе прочих, имеет значение аугментатива); *hers|i-wal ngal* ‘борона’ < *herse*; *karda-wal ngal* ‘чесальная машина ’ < *cardasse* (с усечением основы); *biye-wol ngol* ‘билет’ < *billet* (класс NGOL имеет основное семантическое поле ‘тонко-длинный предмет’); *fose-wol ngol* ‘канал’ < *fuseau* ‘веретено’; *misor|o-wol ngol* ‘платок’ < *mouchoir*; *sigareet|i-wol ngol* ‘сигарета’ < *cigarette*; *siyon-wol ngol* ‘борозда’ < *sillon*; *suuseet|i-wol ngol* ‘чулок, носок’ <

chaussette; *buton-re nde* ‘пуговица’ < *bouton* (класс NDE принимает в себя в том числе лексику со значением ‘единичный предмет из множества’); *pomm|uu-re nde* ‘яблоко’ < *pomme*; *tamat|ii-re nde* ‘помидор’ < *tomate*; *feeto ngo* ‘праздник’ < *fête* (значимая часть лексики класса NGO является отглагольными именами); *lunet|aa-ji dî* ‘очки’ < *lunettes* (ƉI — это плюральный класс); *pot|ii-ru ndu* ‘банка, горшок’ < *pot* (семантическое значение ‘цилиндрический предмет’ класса NDU).

Отдельно следует отметить имена, адаптированные по классу O. Этот класс, в отличие от его неличного подкласса, включает в себя лишь имена людей — термины родства, профессии и др. Также, в отличие от неличного подкласса, O личный оформляет поступающие в него основы с помощью материально выраженных аффиксов соответствующей ступени. Нередки, впрочем, имена, обозначающие людей, которые, попав в класс O, оказались оформлены в него без физического показателя. Среди прочих это лексемы *garson* ‘мальчик’ < *garçon*; *kaporaani* ‘капрал’ < *caporal*; *kolon* ‘плантатор’ < *colon* ‘поселенец’; *muse* ‘господин’ < *monsieur*; *persidan* ‘президент’ < *président*; *patoron* ‘хозяин’ < *patron* и другие. Отметим, что многие из этих лексем являются заимствованиями раннеколониального периода, и причина подобного оформления нам неизвестна. В качестве примеров заимствований, оформленных материальным показателем класса O, можно привести:

ofisyeejo ‘офицер’ < *officier*; *uturneriijo* ‘ветеринар’ < *vétérinaire*; *buuseejo* ‘мясник’ < *boucher*; *doftoorjo* ‘доктор’ < *docteur*; *direkteejo* ‘директор’ < *directeur*; *gardiijo* ‘полицейский’ < *gardien*; *komiijo* ‘чиновник’ < *commis*; *kusuŋeejo* ‘повар’ < *cuisinier*; *maneburjo* ‘чернорабочий’ < *manœuvre*; *sandarmaajo* ‘жандарм’ < *gendarme*; *soferjo* ‘водитель’ < *chauffeur*; *wayuujo* ‘хулиган’ < *voyou*; *yetinanjo* ‘лейтенант’ < *lieutenant*.

Таким образом, при анализе именных франкоязычных заимствований выборку примеров можно разделить на три ожидаемые категории по принципу классификации имени. Далее, каждая группа может быть подразделена на более поздние заимствования и более ранние заимствования, которые, в случае если это возможно, со временем лучше адаптируются к системе языка. Особенно это заметно в первой категории грамматически адаптированных заимствований, которая условно подразделяется на заимствования колониального периода (проникшие

в язык от ста пятидесяти до семидесяти лет назад) и заимствования постколониального периода (пятидесятилетней давности и моложе), внешний вид и структура которых существенно различается.

1.2. Глагольные заимствования

Идентификация глагола как заимствования может вызывать определенные проблемы, поскольку система анлаутных чередований корня у глаголов менее обширна и функционирует не во всех идиомах, так что список параметров, по которым заимствование должно интродуцироваться в систему языка, для глаголов сокращается. Это дает заимствованным глаголам возможность меньше проявляться в языке. В качестве относительного отличительного признака Дэвид Арнотт [Arnott 1956] указывает на тенденцию оформления глагольных заимствований (в восточный идиом гомбе из языка хауса) по непроизводно-медиальному залогу. Однако А. И. Коваль в работе [Коваль 2014: 346] призывает относиться к этому признаку лишь как ко вспомогательному, поскольку «в группе непроизводно-медиальных глаголов присутствуют и общие (исконные) глаголы, и, с другой стороны, немалая часть глаголов заимствованных все же адаптируется по активному залогу» и участвует в регулярных залоговых преобразованиях, в том числе и образовании производного медия.

Постоянное употребление французского языка в разнообразных сферах жизни привело к частичному замещению у многих носителей употребительных глаголов. Так, например, в настоящее время в идиомах западной зоны в ходу глагол *marsude* ‘ходить’ < *marcher*, при наличии исконно фульского глагола *yahude* ‘ходить’ практически с той же семантикой (исключение может составить только разговорное {FJ} *no marsude* ‘как дела’ < *ça marche*).

В анализируемой выборке заимствованные глаголы занимают незначительный объем, поэтому для большей репрезентативности было решено привлечь данные глагольного корнеслова Кристиан Сейду [Seydou 1998]. Однако даже с учетом этой лексики (хотя в этом словаре по определенным причинам отсутствует лексика крупного юго-западного идиома пулар фута-джаллон) количество глагольных заимствований не превысило двухсот пятидесяти лексем, причем заимствования из французского языка оказались, в основном, в активном залоге. Мы не видим в этом противоречия исследованиям Д. Арнотта, поскольку

заимствования из исторически более близких к пулар-фульфульде африканских языков (в частности, хауса, несмотря на отсутствие генетических связей между ними) используют несколько другие пути адаптации.

1.2.1. Заимствования, попавшие в активный залог, и, возможно, в этом кроется причина, практически все оказались агентивными глаголами:

> *eksperimanta* ‘экспериментировать’ < *expérimenter*; *organiza* ‘организовывать’ < *organiser*; *sanca* ‘менять’ < *changer*; *depansa* ‘тратить’ < *dépenser*; *fiima* ‘курить’ < *fumer*; *marsa* ‘идти’ < *marcher*; *sarsa* ‘нагружать’ < *charger*; *tarda* ‘опаздывать’ < *tarder* и другие.

К тому же практически всем из них можно подобрать исконные и/или употребительные аналоги. Пациентивные глаголы также попали в активный залог:

> *duwa* ‘задолжать / долженствовать’ < [il] *doit*; *foora* ‘стать / быть богатым и могущественным’ < *être fort*; *riska* ‘стать / быть богатым’ < *être riche*; *sula* ‘стать / быть пьяным’ < *être soûl* и другие.

При интродукции глагольные заимствования используют простую морфологическую тактику аффиксального оснащения основы, что позволяет увеличивать продуктивность глаголов, ср., например, (4):

(4)

tiita		*vs.*	tiitoroo			
tiit-	*a*		tiit-	or-	oo	
славить-	Act.Pot.w		славить	Decirc-	Md.Pot.w	

‘славить’ — ‘славиться’ < titrer ‘титуловать’

или

marsude			*vs.*	marsinude			
mars-	u-	de		mars-	in-	u-	de
идти-	Act-	Inf		идти-	Caus-	Act-	Inf

‘идти’ — ‘заставлять идти’ < marcher.

1.2.2. Медиальные глаголы французского происхождения можно перечислить по пальцам, причем никакой залоговой, актантной или семантической логики отделения этих глаголов в медиальный залог на данном этапе выявить не удалось. Примеры этих глаголов — *bul-oo* ‘стать / быть голубым’ < *être bleu* (пациентивный глагол); *gany-oo* ‘побеждать’ < *gagner*; *senngit-oo* ‘оцинковывать крышу’ < *zinguer* (суффикс

рефактива *-it-* в данном случае на выбор залога повлиять не может); *hart-oo* ‘чесать лен’ < *carder*. Заимствования, попавшие в пассивный залог, в расширенной подборке встречены не были.

1.3. Заимствования — служебные слова

Лексика, не являющаяся ни именами, ни глаголами, заимствуется из французского в пулар-фульфульде нечасто и в лингвистической литературе не фиксируется.

При создании корпуса пулар, однако, было решено не исключать из рассмотрения спонтанные заимствования союзов, предлогов, наречий и частиц, то и дело возникающие из-за билингвизма носителей. Носители, впрочем, замечают за собой использование заимствований и стремятся их исправить, но упоминание этих невольных оговорок чрезвычайно интересно с точки зрения социолингвистики.

Во-первых, среди заимствований насчитывается несколько союзов: *me* ‘но’ < *mais*; *ke* ‘что’ < *que*; *kom* ‘так как’ < *comme*; *parske* ‘потому что’ < *parce que*, хотя для каждого из них существует фульский и/или распространенный аналог, употребляющийся в большинстве случаев. Во-вторых, заимствуются дискурсивные маркеры: *bon* ‘хорошо’ < *bon*; *dakor* ‘ладно’ < *d’accord*; *vreman* ‘правда’ < *vraimen*t. Возможно, в этом есть некоторая вина создателей корпуса, поскольку работа с носителями для сбора корпуса велась на французском языке, что могло вызвать интерференцию. И наконец, любопытным заимствованием является лексема *tuzur* ‘все еще’ < *toujours*, поскольку обычно ее значение включено в глагольную морфологию дуративного регистра и не лексикализуется.

* * *

Рассмотрев таким образом весь спектр заимствований в пулар-фульфульде из французского языка, можно прийти к нескольким заключениям. Во-первых, именные лексемы ожидаемо составляют значительную долю от всех заимствований. Из них бóльшая часть включена в именную классификацию с использованием формально-грамматической стратегии, однако применение семантической стратегии более перспективно с точки зрения дальнейшей продуктивности лексемы. Принцип формально-фонетической адаптации, работающий для некоторых

африканских языков, оказывается малополезным для французских заимствований ввиду значительных расхождений в фонетической структуре слога языков реципиента и донора. Глагольные лексемы в основном адаптируются по активному залогу, при этом нормально участвуют в продуктивных моделях словообразования и словоизменения. И наконец, прочая лексика, в том числе служебная, составляет небольшой объем, но является любопытным примером активного заимствования дискурсивных слов и лексикализации грамматических значений.

2. Контактное влияние со стороны арабского языка

Экспансия арабского языка и культуры в страны Западной Африки началась еще в VIII в., и в течение столетий этот язык прочно занял свое место в числе источников многочисленных заимствований западноафриканских языков. Некоторые исследователи [Hunwick 2004: 133] называют арабский язык «латинским языком Африки, поскольку за прошедшее тысячелетие он играл ту же роль в Африке, что латинский язык в Европе в средние века». Помимо собственно лексических заимствований, арабская экспансия принесла народам Западной Африки ислам и элементы культуры, в том числе систему письма, которая использовалась повсеместно некоторыми народами (например, хауса) до начала XX в.

Народ фульбе (ок. 20 млн человек) называют «проводником ислама в Африке», поскольку этот народ не ограничился принятием ислама и адаптацией арабской культуры, а распространил их на весьма обширной территории среди других народов Западной Африки. Закономерно, что язык пулар-фульфульде и сам принял значительное количество заимствований в разных областях. Однако ареал пулар-фульфульде весьма обширен, и носители восточных идиомов контактировали и продолжают контактировать с арабским языком чаще и дольше, чем носители западных идиомов. Из-за этого арабские заимствования могут проникать в западные идиомы в меньшей степени, чем в восточные, и, соответственно, охватывать меньшее количество семантических полей.

Тема заимствований из арабского языка в языки Западной Африки в самом общем виде поднимается в работе Дж. Гринберга [Greenberg

1962]. Заимствования же в пулар-фульфульде анализируются в следующих работах:

— в работе [Abu-Manga 1986] приводится анализ фонетических и грамматических процессов при адаптации арабских заимствований (восточные идиомы), социолингвистические стимулы современных заимствований, причины, влияющие на выбор между исконной и заимствованной альтернативами;

— в работе [Leger 1998] приводится анализ процессов грамматической адаптации арабских заимствований в дистантные идиомы пулар-фульфульде;

— в работе [Коваль 2014] приводится анализ языковых контактов и результирующих заимствований в трех диалектных зонах пулар-фульфульде.

Ниже приводится семантическая классификация арабских заимствований в два дистантных идиома пулар-фульфульде: гвинейский пулар (юго-западная диалектная зона, Гвинея) и фульфульде джамааре (юго-восточная диалектная зона, Камерун). Эти идиомы не имеют прямых контактов, при этом восточный идиом, в отличие от западного, имеет более близкие контакты с носителями арабского языка. Лексические данные по западному идиому были взяты из словарей [Zoubko 1996] и [Baldi 2008], а также из корпуса пулар [Корпус пулар]. Данные по восточному идиому были взяты из словарей [Noye 1989] и [Baldi 2008].

В исследовании участвовало 959 заимствованных лексем, что составило около 12 % проанализированной лексики. Распределение по двум идиомам произошло примерно поровну — 467 в западной зоне против 492 в восточной. При этом совпадающей лексики, даже с учетом разницы в кодировании некоторых лексем из-за диалектных различий, оказалось чуть более 10 %, но совпадения распределились неравномерно. Ниже будет приведено распределение семантических полей заимствований с указанием квантитативных значений для каждого поля.

2.1. Религиозная лексика

Наиболее объяснимой и определенной семантической категорией заимствований является религиозная лексика. Эта группа насчитывает 147 лексем и делится на четыре подгруппы.

Первой из них назовем речевые формулы ислама, включающие в себя всего восемь лексем, все из которых встречаются в восточной диалектной зоне и всего две — в обеих. Ниже приведена выборка лексем этой категории, в которой общедиалектная помечена полужирным:

baraka ‘благословение‘;
salaatu ‘молитва-призыв’;
subhaana ‘восклицание-оберег’;
tasmiiya ‘формула перед действием’;
***zikiri* ‘формула веры’**.

Второй, наиболее крупной, подгруппой стала прочая лексика, связанная с исламом: из 72 лексем в данной категории около 15 % лексем совпали в обоих идиомах, при этом из источников по западной диалектной зоне было получено двадцать уникальных лексем, а остальные уникальные лексемы — около половины — из восточной. Ниже приведены примеры лексики из этой подгруппы, разбитые по идиомам, где {FJ} соответствует западному идиому пулар фута-джаллон, а {JAM} — восточному идиому фульфульде джамааре.

{FJ}	**{JAM}**
ajak ‘потусторонний мир’;	*alkibila* ‘направление Мекки’;
alluwal ‘торжественное чтение Корана’;	*annaboojo* ‘пророк’;
baytallaahu ‘обитель бога’;	*dala’ilu* ‘маленький сборник коранических молитв’;
siraate ‘мост, якобы ведущий в потусторонний мир’;	*itikaafu* ‘период отшельничества’;
nahoore ‘муки в аду’;	*sunna* ‘исламская традиция’;
***aaya* ‘стих Корана’**;	***aaya* ‘стих Корана’**;
***fikhu* ‘учение ислама, заповедь’**;	***fikhu* ‘учение ислама, заповедь’**.

Отметим, что внутрикорневая унификация лексем, то есть приведение их к одному виду вне зависимости от значения показателя именного класса, не проводилась, поскольку именные классы в языке пулар-фульфульде несут значительную семантическую нагрузку и зачастую сложно провести границу между деривацией и двумя независимыми заимствованиями. Хотя такая тактика кажется нам в целом верной с точки зрения статистики и семантики, она, впрочем, ведет

к некоторой погрешности в области дериватов: например, лексемы {FJ} *jaami'iire* ‘соборная мечеть’ и {JAM} *jaami'u* ‘большая мечеть’ являются однокоренными, но считаются разными, хотя ‘большая мечеть’ может быть дериватом от ‘соборной мечети’.

В третью подгруппу выделены 33 лексемы, относящиеся к религиозной сфере, но не обязательно к исламу. Лексика подгруппы продемонстрировала 18 % совпадений между идиомами, а уникальные лексемы разделены примерно поровну, что делает эту подгруппу наиболее равномерно распределенной среди всех рассмотренных. Примеры лексем этой подгруппы приведены ниже.

{FJ}	**{JAM}**
aduna ‘мир’;	*do'a* ‘молитва’;
jinnaaru ‘джинн, дух’;	*haawiya* ‘ад’;
ruhu ‘душа’;	*ngaybu* ‘таинство’;
sanaamu ‘идол’;	*rubaaniŋkeejo* ‘аскет, монах’;
xalwa ‘уединение с целью молитвы’;	*sadaka* ‘жертва’;
***hubbeere* ‘могила, мавзолей, глинобитный дом’**;	***hubbaare* ‘могила, мавзолей, глинобитный дом’;**
***kabaa'irawol* ‘смертный грех’**;	***kabaa'irawol* ‘смертный грех’**.

Наконец, четвертая, самая маленькая, подгруппа насчитывает всего шесть лексем, которые можно объединить общей направленностью «лексика прочих религий». Все лексемы этой группы находятся в источниках по восточному идиому, однако две из них относятся и к западному идиому. Приведем эту подгруппу ниже:

linnjiila ‘книга Евангелий’;
maryama ‘Мария’
mugaddasi ‘Священный город (Иерусалим)’;
zaabuura ‘псалмы Давида’;
***malaa'ikaajo, malaa'yka* ‘ангел’**;
***tawreeta* ‘Пятикнижие, Ветхий Завет’**.

В целом группа религиозной лексики представлена в обоих рассматриваемых идиомах; вероятно, небольшое количество лексем идиома фута-джаллон в некоторых подгруппах можно объяснить недостатками источников.

2.2. Термины письменности

Вторую четко определяющуюся группу заимствованных лексем можно охарактеризовать как «группа терминов письменности». Эта группа делится на три подгруппы и насчитывает 92 лексемы. Первая подгруппа включает в себя 36 названий букв и символов письма. Западный идиом представлен в этой группе лишь одной уникальной лексемой, а также четырьмя повторами. Остальной массив лексики, как кажется, уникален для восточного идиома, однако гипотеза, что идиом фута-джаллон использует какие-либо другие обозначения для букв арабского алфавита, кажется нам маловероятной, поэтому разумным объяснением этого феномена является дефект источника. Ниже представлены примеры лексем этой подгруппы.

{FJ}	**{JAM}**
ɓataake ‘письмо’;	*aynarra* ‘изолированная форма буквы ‘айн’;
	keefu ‘буква каф’;
	yamlaare ‘огласовка для звука [e]’;
	siddugo ‘ставить шадду’;
***abajada* ‘арабский алфавит’;**	***abajada* ‘арабский алфавит’;**
***sarkiiyya* ‘курсивное арабское письмо’;**	***sarkiiyya* ‘курсивное арабское письмо’.**

Следующая подгруппа лексем насчитывает 25 единиц, ее можно охарактеризовать как «подгруппа грамматики». В нее входят разнообразные грамматические термины, примеры которых приведены ниже. Но, как и в предыдущей подгруппе, основной массив лексики представлен восточным идиомом; источники по идиому фута-джаллон предоставили одну уникальную лексему и три повтора, что подтверждает гипотезу о дефекте источника в области описываемого семантического поля.

{FJ}	**{JAM}**
lafza ‘речь, язык, выражение, секрет’;	*amri* ‘императив’;
	jam’u ‘множественное число’;
	jarra ‘маркер генитива’;
	lamar ‘прономинализация’;

{FJ}	{JAM}
	liiraabu ‘грамматический анализ’;
	lunga ‘язык, диалект’;
	masdar ‘инфинитив’;
	mubtada ‘подлежащее в именной или глагольной группе’;
	mulaari’i ‘настояще-будущее время’;
	mutahaddi ‘переходный глагол’;
	nasbugo ‘ставить имя в аккузатив’;
***jadwal* ‘парадигма’;**	***jadwal* ‘парадигма’;**
***lamiiri* ‘местоимение’;**	***lamiiri* ‘местоимение’;**
***nahwu* ‘грамматика’;**	***nahwu* ‘грамматика’.**

Последняя подгруппа включает в себя 31 лексему, связанную со структурой, организацией и типологией текстов. И, в отличие от предыдущих подгрупп этого раздела, больше половины неповторяющихся лексем данной подгруппы происходят из источников по западному идиому. Забегая вперед, отметим, что такое распределение встречается лишь в нескольких других группах и может считаться показательным.

{FJ}	{JAM}
baabun ‘глава в книге’;	*ajamiiya* ‘манускрипт в арабской графике’;
diiwal ‘сборник стихов’;	*baytuwol* ‘стих (в поэме)’;
jumla ‘сущность, резюме, фраза’;	*diiwaanu* ‘указатель’;
qasiida ‘поэма’;	*kafiyaawol* ‘рифма’;
quaafiya ‘второе полустишие, рифма’;	*mas’alaawol* ‘параграф’;
sifirwol ‘книга, манускрипт’;	*nasru* ‘проза’;
tarjama ‘раздел книги, важное положение’;	*shiru* ‘поэтическая вставка в прозе’;
***ma’na* ‘значение’;**	***ma’na* ‘значение’;**
***saj’uuwol* ‘рифмованная проза’;**	***saj’uuwol* ‘рифмованная проза’.**

2.3. Лексика исчисления времени

В третью, довольно объемную (41), группу входят лексемы, обозначающие исчисление времени. Все их можно разделить на три семантические подгруппы, каждая из которых имеет ряд особенностей. Первая подгруппа содержит названия дней недели. Это довольно ограниченный подкласс, не имеющий аналогов в языке-реципиенте, и единственным диалектным различием в этих названиях можно считать формальное наличие или отсутствие артикля у заимствованной словоформы и некоторые фонетические особенности, которые, впрочем, были унифицированы при первичной подготовке массива к анализу. Некоторые примеры можно увидеть ниже.

{FJ}	**{JAM}**
tenen ‘понедельник’;	*altine* ‘понедельник’;
***alarba* ‘среда’**;	***alarba* ‘среда’**;
***asewe* ‘суббота’**;	***asewe* ‘суббота’**.

Вторая подгруппа содержит названия месяцев и традиционные созвездия, связанные с ними. Источник, приводящий эти, довольно многочисленные, сведения, представляет идиом джамааре, а по западному идиому существует только один образец лексемы из этого семантического поля:

{FJ}	**{JAM}**
badru ‘полная луна’;	*haaram* ‘первый месяц мусульманского года’; *ikliil* ‘месяц 18–30 октября’; *iwaa* ‘созвездие Пса; месяц с 27 августа по 8 сентября’; *kalba* ‘месяц 31 октября — 12 ноября’; *mustari* ‘планета Юпитер’; *nu’aa’imu* ‘месяц 26 ноября — 8 декабря’; *sa’du* ‘имя звезд, определяющих месяцы’;

{FJ}	{JAM}
	sawla ‘созвездие Скорпиона; месяц 14–25 ноября’;
	simaaki ‘месяц 9–21 сентября’;
	surifa ‘созвездие Льва; месяц 14–16 августа’;
	uɗaridu ‘планета Меркурий’;
	zamnaan ‘месяц 5–17 октября’;
	zuhal ‘планета Сатурн’.

И наконец, третья подгруппа заимствований содержит лексемы, связанные с исчислением времени. Она довольно многочисленна: в нее входит половина всех заимствований, связанных со временем, и достаточно равномерно распределена по идиомам: 20 % совпадающей лексики в двух идиомах и соотношение 1 : 2 уникальных лексем.

{FJ}	{JAM}
alansara ‘послеполуденное время, молитва’;	*asiri* ‘послеобеденное время (15–18)’;
sawfa ‘будущее’;	*eesaa’i* ‘вечер (с 7–30 до 9)’;
walluha ‘время около 8 часов утра’;	*fajiri* ‘рано утром’;
	safiyaari ‘сумерки’;
waqtu ‘время молитвы, время, час’;	*wakkati* ‘момент времени’;
	zawal ‘начало пополудни’;
***mangariba* ‘закат’**;	***mangariba* ‘закат’**;
***saa’i* ‘момент времени’**;	***saa’i* ‘момент времени’**;
***subaha* ‘заря’**;	***subaha* ‘заря’**;
***zuura* ‘час послеполуденной молитвы (13 часов)’**;	***zuura* ‘час послеполуденной молитвы (13 часов)’**.

Нет сомнений, что для исчисления времени оба идиома используют лексику, заимствованную из арабского языка. Тем не менее из-за недостатка данных в анализе отсутствуют полностью совпадающие категории, хотя по индукции можно предположить, что при полном массиве данных они появятся.

2.4. Небольшие лексические группы

Следующая серия групп не объединена ни по какому формальному семантическому признаку, она насчитывает 13 отдельных, небольших по объему, но однородных с точки зрения семантического состава групп. Первые три группы включают в себя названия людей, а именно профессии (30 лексем, 5 совпадений), термины родства (16 лексем, 6 совпадений) и качественные названия людей (30 лексем, 2 совпадения). Все эти лексемы за редким исключением классифицированы как имена существительные личного о-подкласса. Остановимся на каждой из этих трех групп подробнее.

Термины родства — небольшой и достаточно закрытый класс, примечательным свойством которого является большее количество уникальных лексем западной зоны, чем восточной. Примеры этой группы приведены ниже.

{FJ}	**{JAM}**
jaariyaajo ‘жена сервильного происхождения’;	*abba* ‘отец’;
šaqiiqi ‘брат’;	*atiimeejo* ‘сирота’;
waladuuru ‘незаконнорожденный ребенок’;	*sakiikeejo* ‘единоутробный брат / сестра’;
zawjuujo ‘муж’;	
zurriya ‘дети, потомство’;	
***ajabaajo* ‘свободная женщина (разведенная или вдова)’**;	***ajabaajo* ‘свободная женщина (разведенная или вдова)’**.

Профессии — это более обширный класс, в который входят два типа лексем: непроизводные заимствования и производные от заимствований. Так, {JAM} *saykuujo* ‘шейх’ является прямым заимствованием, в котором все изменения исходной лексемы (< شيخ [šayẖ-] ‘шейх’) обусловлены требованиями классификации и последующей фонетической адаптации: разреживания и ассимиляции. Напротив, лексема *ceedoowo* ‘свидетель’ (< شاهد [šāhid-] ‘свидетель’) — это причастие, образованное от заимствованного глагола. Ниже можно увидеть примеры, относящиеся к этому семантическому полю.

{FJ}	{JAM}
alahajji ‘паломник’;	*attaajiriijo* ‘богатый купец’;
alkaliijo ‘судья’;	*ceedoowo* ‘свидетель’;
alkatiijo ‘шпион’;	*haajiriijo* ‘ученик коранической школы, живущий на милостыню’;
almamiijo ‘имам’;	*maajuusaajo* ‘крестьянин’;
manjanlaaji ‘нищий’;	*mujaddidiijo* ‘реформатор’;
masmuunu ‘покупатель’;	*turjuman* ‘переводчик’;
salliijo ‘муэдзин’;	*waziiriijo* ‘приближенный вождя’;
saykuujo ‘шейх’;	
***askarjo* ‘солдат’**;	***askarjo* ‘солдат’**;
***mallam, mallamjo* ‘марабут, образованный человек’**;	***mallam, mallamjo* ‘марабут, образованный человек’**.

И наконец, группа, объединяющая качественные названия людей, также содержит как производные, так и непроизводные заимствования. Несмотря на весьма незначительный процент совпадений в двух идиомах, лексемы этой группы в равной мере встречаются в обоих, что указывает на повсеместный характер заимствования таких лексем.

{FJ}	{JAM}
al’yatimaajo ‘сирота’;	*faasikiijo* ‘обманщик’;
annasaaraajo ‘христианин’;	*jaahiliijo* ‘неграмотный’;
janabanteejo ‘грешник’;	*karimiijo* ‘щедрый’;
munaafiqi ‘ханжа’;	*maajuujuujo* ‘карлик’;
sirifuujo ‘мусульманин’;	*naafikiijo* ‘двуличный’;
sowasiijo ‘дикарь’;	*saalihiijo* ‘добродетельный человек’;
wahadaniyanke ‘монотеист’;	*zaahiliijo* ‘неграмотный’.

Следующей группой заимствований, обязательной при культурном контакте, является группа артефактов. Области заимствования артефактов указывают на зоны контакта и часто являются объектом лингвокультурологических исследований. К тому же пулар-фульфульде с его семантической системой распределения заимствований по именным классам полностью демонстрирует в «артефактной» группе разнообразие классов, в то время как заимствования, вошедшие, например, в группу «профессии», относятся только к «классу людей». Группа

представлена 41 лексемой, часть которых (с указанием при них именных классов, к которым они относятся) находится ниже. Эта группа — еще один пример равнозначного заимствования в оба идиома: при 14 % совпадений уникальная лексика делится ровно пополам.

{FJ}	**{JAM}**
basalleere NDE ‘лук’;	*algaytaaru* NDU ‘кларнет’;
jogoram O ‘орудие, инструмент’;	*barraarru* NDU ‘чайник’;
kural NGAL ‘игла, стрела, дротик’;	*daluwal* NGAL ‘бурдюк’;
lambere NDE ‘ком амбры’;	*heebeere* NDE ‘стремя’;
layaaru NDU ‘фетиш, талисман’;	*kufaawu* NGU ‘чересседельная сумка для осла’;
lusun O ‘завод, фабрика’;	
meselal NGAL ‘игла’;	*saabulu* NDE ‘мыло’;
sooro NGO ‘этаж’;	*sunndukru* NDU ‘сундук’;
	yaakuutu NGU ‘гиацинт (камень)’;
***bahar* NGO ‘море, океан’**;	***bahar* NGO ‘море, океан’**.

Из группы артефактов выделяются несколько довольно объемных групп, связанных с тематическими предметами. Вероятно, при увеличении массива анализируемой лексики таких групп было бы намного больше вплоть до исчезновения группы «артефакты». Группы, которые, тем не менее, удалось выделить на сравнительно небольшом объеме информации, — это группы «одежда», «растения», «еда» и «оружие». Первые две группы насчитывают по полтора десятка лексем, в то время как вторые две — только по 5–7. Необходимо отметить, что все лексемы, относящиеся к этим группам, происходят из восточного идиома, в то время как западный идиом фута-джаллон представлен всего лишь в нескольких повторах. Это позволяет предположить, что системное заимствование из арабского языка названий частей повседневной жизни, происходящее в контактном восточном идиоме, не дублируется в западном идиоме, где в качестве источников заимствования повседневной лексики используются другие контактные языки. Ниже представлены примеры из четырех групп.

{JAM}
«Растения»
albasarre ‘чеснок (Aliumsativum Linn.)’;
alkamaari ‘пшеница (Triticum durum Desf.)’;

ardep ‘тамаринд’;
dabba ‘родосская фиалка (Securidaca longipedunculata Fres)’;
inaboohi ‘виноградник’;
tabaahi ‘табак (Nicotiana rustica Linn.)’;
***misik* ‘растение Jacinthe Musquée’**.

«Оружие»
arsasre ‘пыж’;
baruudu ‘порох’;
bunndugaaru ‘карабин’;
zarafre ‘пыж’.

«Одежда»
albutta ‘головной платок’;
alkibaare ‘пальто с капюшоном’;
hamilaawol ‘портупея’;
haril ‘шелковая ткань’;
jallaabiyaare ‘длинная рубашка с длинным рукавом’;
laffaaya ‘большая пань из муслина’;
sirla ‘брюки’;
***jiifa* ‘карман’**.

«Еда»
alme ‘вода’;
gaawa ‘кофе’;
leemurre ‘лимон’;
saayi ‘чай’;
zirge ‘домашний самогон’.

Следующая группа лексики, которая также тесно связана с культурным влиянием, — это научные термины и понятия. Среди этой лексики можно выделить несколько подгрупп соответственно научным отраслям, но, принимая во внимание небольшой объем исходной группы лексики (23 единицы), дальнейшее деление кажется нам нецелесообразным. С точки зрения диалектного соотношения, научная лексика представляет одну из немногих групп, в которых количество заимствований, найденных в западных идиомах, превышает, хотя и ненамного, число заимствований, найденных в восточных идиомах.

{FJ}	**{JAM}**
adadu ‘сумма, вычисление, число’;	*falaku* ‘небесные сферы’;
aljibra ‘алгебра’;	*hawa* ‘атмосфера’;
anwaaru ‘познание’;	*hisaabu* ‘арифметика’;
bul’uuma ‘пищевод’;	*lisaafu* ‘сумма, счет’;
dira ‘локоть (мера длины)’;	*Maaliya* ‘Красное море’;
ka’abayniire ‘лодыжка’;	*Misra* ‘Египет’;
šari’aare ‘мера ~ 1 л или кг’;	*wadajuwol* ‘яремная вена’;
***ilmu* ‘наука, книжные знания’**;	***ilmu* ‘наука, книжные знания’**.

Отдельно отметим небольшую по объему группу эвфемистической лексики, в которую входят значения, связанные со смертью, а также прочая табуированная лексика. Табуированная лексика в пулар-фульфульде часто использует заимствования, но необязательно арабского происхождения. Тем не менее в обоих идиомах нашлось 8 равномерно распределенных лексем, связанных со смертью. Что касается анатомической табуированной лексики, то из-за определенного недостатка источника в западных идиомах системный сбор табуированной лексики был затруднен, поэтому те 8 лексем, которые относятся к этой подгруппе, имеют восточное происхождение.

{FJ}	**{JAM}**
habriire ‘могила’;	*azal* ‘смерть’;
lajal ‘срок, конец, смерть’;	*duburu* ‘анус’;
qaburu ‘могила’;	*hunsayayni* ‘тестикулы’;
tabuutuwal ‘гроб’;	*jazaa’iza* ‘похороны’;
	lam’aare ‘часть тела, которую забыли омыть’.

И наконец, в заключительную группу лексики вошли наименования денег, финансовых операций и наследства. Примечательно, что 25 лексем, вошедших в эту группу, распределены по идиомам с преимуществом в сторону западного идиома. Ниже приведены некоторые примеры лексики.

{FJ}

asabaaku ‘наследники’;

bayti ‘община, общинное имущество’;

farilla ‘кораническая десятина’;

kaalisi ‘деньги’;

kubbal ‘налог’;

muddo ‘содержимое двух пригоршней (о милостыне);

suduusu ‘четверть’;

suluusu ‘треть’;

sumuunu ‘восьмая часть’;

usuru ‘налог’;

wasiya ‘устное завещание умирающего относительно имущества’;

wasiyoo ‘завещать имущество’;

xaraaju ‘поземельный налог’;

***sulusu* ‘треть наследства’**;

{JAM}

alkawal ‘контракт’;

baytal ‘сокровищница местной администрации’;

dammaana ‘гарантия, даваемая кем-то’;

halal ‘частная собственность’;

jarfu ‘власть, которую дает богатство’;

ran ‘залог’;

usru ‘десятая часть наследства’;

wagas ‘дополнение, не включаемое в налогообложение’;

zaar ‘капитал, вложенный в торговлю’;

***sulusu* ‘треть наследства’**.

2.5. Абстрактная лексика

В качестве заключительной крупной группы лексики необходимо назвать группу абстрактных явлений. В эту группу входят 172 лексемы, которые далее можно подразделить на несколько довольно условных подгрупп. Наименьшее сомнение вызывает подгруппа лексики «традиций», которая содержит 21 единицу, равномерно представленную в обоих идиомах:

{FJ}

baa’iniwal ‘временный развод с женой’;

batta ‘окончательный развод’;

fasaadu ‘гражданский брак’;

qaɗamaaku ‘принцип, закон, мораль’;

{JAM}

ɗabi’a ‘традиция’;

darseere ‘урок’;

diya ‘месть’;

edda ‘период отшельничества для разведенной женщины’;

{FJ}	{JAM}
sadaka ‘милостыня, жертва’;	*hayla* ‘правила (для женщин)’;
sunna ‘обычай, обряд инициация’;	*janaaba* ‘ритуальная нечистота’;
	tarbi’a ‘образование’;
***aadi* ‘традиция, принцип’**;	***al’aada* ‘традиция’**;
***sadaaqu* ‘приданое’**;	***sadaaki* ‘приданое’**;
***waliima* ‘праздник, животное, зарезанное на праздник’**;	***waliima* ‘праздник, животное, зарезанное на праздник’**.

Из оставшейся абстрактной лексики уместно выделить подгруппу «абстрактное, присущее человеку». В эту подгруппу, состоящую из 11 лексем, также вошли данные из обоих идиомов, хотя уникальные данные из западного идиома отсутствуют.

{FJ}	{JAM}
	haali ‘темперамент’;
	himma ‘энергия’;
	nasaada ‘занятие’;
	sasɓuwol ‘шеренга’;
	sukla ‘профессия’;
***asngol*, *asli* ‘происхождение’**;	***asngol*, *asli* ‘происхождение’**;
***hakkilo*, *hakkil* ‘внимание’**;	***hakkilo*, *hakkil* ‘внимание’**;
***majlisa* ‘собрание людей’**;	***majlisa* ‘собрание людей’**;
***sifa* ‘внешность, качество’**;	***sifa* ‘внешность, качество’**;
***zaahiri* ‘внешний вид’**;	***zaahiri* ‘внешний вид’**;
***zaati* ‘внешность, высокое происхождение’**;	***zaati* ‘внешность, высокое происхождение’**.

Оставшиеся лексемы уместно разделить на три подгруппы: «положительное», «отрицательное» и «нейтральное». Подгруппа абстрактно-нейтральных лексем насчитывает 72 единицы, что делает ее наиболее многочисленной из трех. С точки зрения диалектного состава, эта подгруппа не отличается от большинства прочих: при небольшом количестве совпадающей лексики уникальная лексика распределилась по идиомам равномерно, лишь с небольшим (47 : 53 %) отклонением в сторону восточного идиома. Ниже представлены некоторые примеры из этой подгруппы.

{FJ}	**{JAM}**
buhtaanu ‘шутка’;	*alaama* ‘знак’;
burhaanu ‘доказательство’;	*haddu* ‘конец’;
doole ‘сила, мощь’;	*hasili* ‘реальность’;
hasaaba ‘количество’;	*istidaa’i* ‘начало’;
raxabiyya ‘желание иметь что-либо’;	*nuuru* ‘свет’;
xaybu ‘тайна’;	*sirrago* ‘поверять секрет’;
zawra ‘начало’;	*dalila* ‘причина’;
***haaje* ‘необходимость’**;	***haaje* ‘необходимость’**;
***anniya* ‘намерение’**;	***anniya* ‘намерение’**.

Подгруппа абстрактно-положительной лексики насчитывает 37 лексических единиц, среди которых, при небольшом количестве совпадающей лексики, значительная часть имеет западное происхождение. Примечательно, что все уникальные лексемы восточной зоны имеют материальное значение:

{FJ}	**{JAM}**
aafiya ‘выздоровление, здоровье, успех’;	*annasuwa* ‘благосостояние’;
alhaali ‘вещь, добро’;	*dawla* ‘богатство’;
arsike ‘удача’;	*hadiya* ‘подарок’;
ayiibe ‘недостаток’;	*hayru* ‘процветание’;
barke ‘благодать’;	*maslaha* ‘польза’;
basira ‘благоразумие’;	*neema* ‘благоденствие’;
ɗamaaw ‘надежда’;	*uulago* ‘оценивать части наследства’;
fatuhu ‘качества, присущие благородному человеку’;	
hamdu ‘хвала, благодарность’;	
malal ‘счастье, спасение’;	
***riba* ‘прибыль’**;	***riba* ‘прибыль’**;
***alfaalu* ‘предсказание, надежда’**;	***alfaalu* ‘предсказание, надежда’**;
***karaama* ‘слава, чудо’**;	***karaama* ‘слава, чудо’**.

И наконец, абстрактные лексемы с отрицательной коннотацией составляют подгруппу, насчитывающую 31 единицу. Эта подгруппа — еще один случай лексики преимущественно западного идиома. Таким образом, вся группа абстрактной лексики в целом распределена по идиомам с преимуществом в сторону западного идиома.

{FJ}	**{JAM}**
ɗawuna ‘холера’;	*azaaba* ‘страдание’;
ella ‘недостаток’;	*haasadaaku* ‘злоба’;
fitina ‘дерзость’;	*laru* ‘помеха’;
gantara ‘деталь, недостаток’;	*masiibo* ‘несчастье’;
hakkee ‘вина’;	*nahiisa* ‘невезение’;
hasidaagu ‘зависть’;	*wasuwaasu* ‘плохие мысли’;
li’aanu ‘проклятье’;	
munaafiqaaku ‘ханжество, лицемерие’;	
suhtu ‘нечто, заслуживающее порицания’;	
tahta ‘потерпеть неудачу’;	
tampude ‘быть усталым, страдать’;	
***albalaawol* ‘бедствие, эпидемия, чума’**;	***albalaawol* ‘бедствие, эпидемия, чума’**.

2.6. Речевые маркеры и прилагательные

Отдельно можно выделить группу так называемых речевых маркеров, то есть междометий, союзов, речевых формул, а также группу прилагательных. Группа речевых маркеров насчитывает 25 лексем, из которых все, кроме трех совпадений, относятся к восточному идиому. Такое распределение позволяет предположить высокий социальный статус арабского языка в восточном ареале пулар-фульфульде, что побуждает носителей использовать в речи заимствованные из этого языка речевые маркеры. Отметим, что статус французского, например, языка оказался недостаточно высок для заимствования подобных лексем.

{JAM}
abada ‘всегда’;
ajamiina ‘полностью’;
albisir ‘ура’;
ammaa ‘но’;
asee ‘ах’;
fakat ‘точно’;
hattaa ‘даже’;
immaa ‘или’;
laa ‘нет’;
labbayka ‘да’;
masalan ‘например’;
***kallaa* ‘никогда’**;
***laabidda, labudda* ‘без сомнения’**;
***walla* ‘или’**.

Что касается прилагательных, то необходимость выделить их в отдельный, хоть и немногочисленный, разряд обусловлена особым статусом прилагательного как части речи в пулар-фульфульде. Его особенность заключается в ограниченности и непродуктивности, в то время как продуктивная функция приименного атрибута выполняется причастиями. Поэтому заимствования глаголов в пулар-фульфульде чаще всего означают появление в языке нового словообразовательного гнезда, в то время как редкое заимствование прилагательных помещает их в замкнутый класс. Ниже приведены четыре прилагательных, обнаруженных в данных по восточному идиому. В западном идиоме заимствованные из арабского языка прилагательные отсутствуют.

{JAM}
laazimiijum ‘обязательный’;
nadiiriijum ‘редкий’;
ngaribiijum ‘необычное’;
tamam ‘совершенный’.

* * *

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, средняя доля общей заимствованной лексики для двух идиомов составила около 12 % общего количества заимствований

(более 1500). Эта незначительная, вопреки ожиданиям, цифра, а также (даже в большей степени) количество уникальной лексики в неконтактном идиоме позволяет утверждать разные источники заимствования для разных ареалов пулар-фульфульде. Восточные идиомы контактируют с носителями языка напрямую (в некоторых ареалах пулар-фульфульде арабский язык используется как лингва франка), в то время как западные идиомы заимствуют арабскую лексику в основном через письменные труды. Во-вторых, семантическая классификация заимствований позволяет сделать вывод относительно функциональных сфер арабского языка в разных идиомах — для западных идиомов это научные и религиозные тексты (куда, очевидно, входит подгруппа «смерть»), а также денежные расчеты: в основном упоминается дележ наследства. Литературную природу заимствований доказывает и обилие западных заимствований среди абстрактной лексики. В-третьих, высокий социальный статус арабского языка в восточных идиомах подтверждается наличием значительного количества заимствованных речевых маркеров, союзов и частиц. И наконец, особое внимание можно обратить на большое количество лексики с отрицательной коннотацией (в абсолютном исчислении) в группах абстрактно-отрицательной и табуированной лексики.

3. Контактное влияние со стороны языка хауса

Хауса является крупнейшим языком чадской семьи. Он распространен на территории современных Нигерии, Камеруна, Нигера, Чада и Судана. Оседлые земледельцы и ремесленники хауса имели ограниченный контакт с кочевниками фульбе в средние века. Однако в середине XVII в., с началом джихада фульбе-мусульман и образованием империй фульбе, взаимовлияние языков усилилось, а с началом оседания фульбе на территориях, ранее занимаемых хауса, завоеванием городов-государств хауса Усманом дан Фодио и образованием на этих землях империй фульбе культурный контакт стал очень плотным.

На территории современных Нигерии и Камеруна, где основная часть населения примерно в равных пропорциях использует идиом пулар-фульфульде, называемый фульфульде, и хауса, контактные явления между этими языками выражены особенно ярко. При этом

потенциал лексики, заимствованной из хауса, таков, что даже в идиомах пулар-фульфульде, не имеющих прямого контакта с хауса, встречается заметное количество заимствований из этого языка.

В ходе исследования контактов языков фульфульде и хауса были поставлены три задачи: во-первых, определение семантических полей заимствованной лексики; во-вторых, описание механизмов грамматической адаптации, используемых для лексики хауса. И наконец, при анализе заимствований из хауса важна статистика транзита заимствований через контактные идиомы в идиомы пулар-фульфульде, не имеющие прямого контакта с языком хауса.

Для реализации этих задач был отобран материал, представляющий собой заимствованные из хауса лексемы разных идиомов: для разных направлений исследования использовались данные словаря контактного восточного идиома фульфульде-джамааре (Камерун) [Noye 1989], словаря неконтактного западного идиома пулар фута-джаллон (Гвинея) [Zoubko 1996], а также материалы корпуса пулар фута-джаллон [Корпус пулар]. Анализу, таким образом, подверглись 527 заимствованных лексем, из которых большая часть предсказуемо оказалась именными лексемами. Однако около десятой части заимствований представлено глагольными лексемами, а также служебными частями речи, экскламативами и наречиями.

3.1. Семантические поля

Анализ семантических полей, которые образует лексика, заимствованная из хауса, являлся первостепенной задачей исследования. Все лексемы были распределены на группы согласно их первичному значению. Следует отметить, что некоторые лексемы собирались в группы достаточно условно, в то время как другие группы оказывались весьма объемными и однородными по составу. Семантический анализ проводился на основе данных по идиому фульфульде-джамааре, в то время как данные по идиому фута-джаллон использовались для сбора транзитной статистики заимствований между идиомами.

3.1.1. Наиболее объемной группой оказалась группа «**артефакты**», включившая в себя около 15 % всех лексем. Семантический состав группы неоднороден, грамматически лексемы попадали в разные именные классы. Такой результат ожидаем: заимствование названий неизвестных артефактов — это первый и основной этап проникновения

лексики при контакте ареалов разных языков, поэтому и гипероним, и состав группы весьма условны. В примере (5) приведены некоторые лексемы из группы артефактов.

(5) *garayɣaaru* NDU ‘вид мандолины с 2 или 3 струнами’;
kuŋkuruŋ NGU ‘инструмент из двух тамбуринов в металлической миске’;
buudiiho KO ‘сено’;
diga NGA ‘мотыга’;
deerto NGA ‘напильник’;
asalwo NGO ‘браслет, который носят на бицепсе’.

3.1.2. Семантическое поле «**одежда и ткани**» занимает второе место по объему входящей в него заимствованной лексики — чуть меньше 10 % всех заимствований. Оно довольно однородно по составу: в группу входят наименования одежды, названия тканей, типы нитей, краски для ткани и кожи и прочая лексика, связанная с ткачеством, портняжным и кожевенным производством. Исторически представители народа хауса, помимо земледелия, владели ремеслами, в том числе и ткачеством, и кожевенным делом. Осев, фульбе, которые не имели опыта в аналогичных ремеслах, неизбежно заимствовали эту часть лексики. Небольшая часть этой группы представлена в примере (6).

(6) *girkeere* NDE ‘халат без рукавов’;
saajibiire NDE ‘рубашка с длинными рукавами’;
kirtaani NDI ‘плетеная нить’;
buge DE ‘голубая краска для ткани’;
adikko NGEL ‘головной платок’;
kuloogu NGA ‘черная краска, используемая в сафьянном производстве’.

3.1.3. Примерно такой же объем имеет группа «**машины**», которая включает в себя лексику, обозначающую технику, введенную в обиход во время колониального раздела Африки, когда хауса несколько опередили фульбе по социальному положению, и хотя большая часть заимствований не является исконной лексикой хауса, в фульфульде они пришли через этот язык. Некоторые примеры этой группы можно увидеть в (7).

(7) *katarko* NGA ‘водобой’;
aroogo NGEL ‘будильник’;
keeke NGA ‘швейная машина’;
baskur NGEL ‘велосипед’.

3.1.4. Все уже перечисленные группы заимствований включали в себя исключительно существительные. Следующую же, немного менее объемную группу (около 8 % всей лексики) образуют наречия, идеофоны, **речевые маркеры** и экскламативы. Эти части речи в языках мира редко представлены заимствованиями; такое положение в диалекте фульфульде-джамааре нестандартно. Возможным объяснением этому явлению является изменение языкового престижа фульфульде по отношению к хауса, которое повлекло за собой вытеснение исконно фульской лексики в этом сегменте. Группа неоднородна с точки зрения частей речи, но весьма однородна по составу, см. пример (8).

(8) *deydey* ‘точно, именно’;
cik ‘полностью’;
waanee ‘восклицание протеста’;
babaasi ‘всё, конец’;
habaa ‘ой (удивление)’.

3.1.5. Следующая группа, хоть и значительна по объему — в нее входит почти 8 % всей лексики, — но неоднородна с точки зрения семантики. В нее входят **глаголы** и **состояния**, которые в пулар-фульфульде обычно представлены глаголами. О механизмах адаптации глаголов в систему пулар-фульфульде см. следующий раздел.

(9) *algas* ‘зеленый, голубо-зеленый’;
kooree ‘блестяще-черный’;
ruwan-gooro ‘желто-оранжевый цвет’;
kaasgo ‘быть очень усталым’;
kolo ‘способ игры на тамбурине’;
hasgo ‘разделать для продажи, фасовать’.

3.1.6. Группа, содержащая имена традиционной **титулатуры** хауса, включает в себя около 5 % всех заимствований, хотя, согласно [Girei 2009: 137], титулатура в обществе хауса играет важную роль, и количество заимствований этой лексики в фульфульде достаточно высоко,

и небольшие в абсолютном исчислении цифры на самом деле достаточно велики в относительном исчислении, если принять во внимание небольшой объем лексики титулатуры в самом хауса. Впрочем, отметим, что работа [Girei 2009] описывает ситуацию в идиоме фульфульде-адамауа, который хотя и близок к фульфульде-джамааре, но все же имеет некоторые отличия. Группа ожидаемо однородна с грамматической точки зрения, так как при адаптации лексем в систему именных классов названия людей попадают в общий класс людей. Примеры лексики этой группы приведены в (10).

(10) *yeriima* O ‘сын вождя’;
magaajiijo O ‘советник правителя’;
caamki O ‘начальник рабов, ухаживающих за лошадьми’;
jikaataajo O ‘доверенное лицо вождя’;
galdiima O ‘сановник при султане’.

3.1.7. Закрепление фульбе на земле привело к возникновению в их жизни объектов и явлений, которые повлекли за собой заимствование их наименований из языка хауса. Такие лексемы входят в следующие, не очень многочисленные, но семантически однородные группы, включающие в себя от 4 до 5 % всех лексем. Речь идет о таких группах, как «сладости», «растения», «беды» (за неимением лучшего гиперонима), «животные», «еда и питье», «интерьер», «клички и профессии» (примеры (11a)–(11g) соответственно).

(11) (a) **Сладости**
abaakuru NGEL ‘лепешка из арахиса, жаренная в масле’;
naakiyaari NDI ‘галета из муки сорго с медом и маслом’;
aleewa NGA ‘длинная легкая булочка’;
dakuwa NGA ‘блюдо из толченого проса с сахаром и водой’;
fuura NGA ‘шарики из проса, обвалянные в муке’;

(b) **Растения**
ganyi KI ‘ним (Azadirachta indica)’;
reke NGAL ‘сахарный тростник (Saccharum officinarum, Linn.)’;
kudakuure NDE ‘сладкий картофель (Ipomea Batatas, Poir.)’;
iiwaare NDE ‘злак, растущий в болотистой местности (Jardinea Congoensis, Franch.)’;

(c) **Беды**
daakaare NDE ‘человек легких нравов, дебошир’;
kuturuujo O ‘прокаженный’;
rigima KA ‘подделка’;
jawarjo O ‘распутник’;
caca O ‘азартная игра’;

(d) **Животные**
tolotolo NGA ‘индюк’;
kurkutu NGEL ‘муравьиный лев’;
awraare NDE ‘осел с рыжей шкурой’;
amaalewa NGA ‘верблюд-самец’;

(e) **Еда и питье**
kindirmu ƊAM ‘холодное молоко’;
ndagasi ƊAM ‘молозиво’;
gaari NDI ‘мучная похлебка’;
sittaare NDE ‘перец’;

(f) **Интерьер**
dagaliire NDE ‘место для сидения из глины’;
laabule NGA ‘занавеска на входе’;
dampaaniwol NGOL ‘изгородь из соломы, окружающая усадьбу’;
soorowol NGOL ‘прямоугольный дом из нескольких комнат’;

(g) **Клички и профессии**
baangiijo O ‘холостяк’;
wambay ‘прозвище человека, которого зовут Мамуду’;
zagiijo O ‘валет, тот, кто ведет лошадь правителя при переходах’;
wanjamjo O ‘цирюльник’.

3.1.8. Этнокультурные причины, обусловившие формирование группы заимствований «**тара**», аналогичны описанным выше причинам, повлекшим за собой образование группы заимствований с общим семантическим значением «одежда и ткани». Группа «тара» включает в себя незначительное, но семантически однородное число заимствований. В группу входят вместилища предметов, чаще всего металлические, однако бывают исключения. Некоторые примеры из этой группы приведены в (12).

(12) *addilaare* NDE ‘корзина для переноски предметов’;
tanagaaru NDU ‘металлический бидон’;
buhuure NDE ‘мешок’;
daaro NGO ‘большой таз’.

3.1.9. Наконец, оставшиеся заимствования можно объединить под условным гиперонимом «**административные явления**». Группа насчитывает 23 заимствования, некоторые из которых приведены в примере (13). Причины, вызвавшие заимствование лексем этой группы, можно, вслед за [Girei 2009], охарактеризовать как «социолингвистическая необходимость».

(13) *terere* NDE ‘коммерция’;
baariki NGA ‘административный офис’;
dooka KA ‘полицейская операция’;
garaama KA ‘подушный налог’.

3.2. Грамматическая адаптация

Хаусанские заимствования в язык пулар-фульфульде подверглись фонетической и грамматической адаптации. Фонетическая адаптация из тонального языка хауса в язык пулар-фульфульде, который различает долготу гласных, но не использует тоны, представляет отдельный интерес, но описан в литературе, в частности [Girei 2009], так что в настоящей работе рассматриваться не будет. Процесс же грамматической адаптации заимствований можно разделить на два практически независимых явления: интродукция заимствований в систему именных классов и интродукция глагольных лексем в трехзалоговую систему.

3.2.1. При адаптации глаголов по залогам в активный залог (*deertugo* ‘подпиливать’ (Act)) попало около трех четвертых из всех глагольных заимствований, остальные же попали в медиальный залог (*awnago* ‘взвешивать’ (Md)). Существует наблюдение [Arnott 1956: 142], что многие непроизводно-медиальные глаголы в пулар-фульфульде являются в оригинале заимствованиями, однако они уже адаптированы в глагольную систему, с трудом поддаются вычленению и не фигурируют в данном исследовании.

3.2.2. Что касается адаптации именной лексики, механизм распределения подробно обсуждался в разделе 1 для всех источников

заимствований. Для заимствований из хауса, однако, следует сделать несколько замечаний к общефульской стратегии адаптации.

Во-первых, семантический принцип распределения новой лексики по именным классам является превалирующим для языка хауса, который хоть и не является близкородственным к пулар-фульфульде, но не требует сильных фонетических и структурных изменений. Существует одно исключение: существительные, классифицированные по классу KA, попали туда, скорее всего, по **формально-фонетическому**, а не по семантическому принципу (*calka* KA ‘туалет’; *daama* KA ‘выздоровление’).

Особо стоит отметить безупречное действие **семантического** принципа адаптации заимствований в следующие классы:

— все существительные, обозначающие людей, попали в сингулярно-личный класс O, при этом множественное число они образуют по нестандартной схеме класса ƴE <Sg+’en> (*amuraajo* O — *amuraa’en* ƴE ‘бандит с большой дороги’);

— существительные, обозначающие жидкости, были классифицированы в именной класс ƊAM (*baaraasa* ƊAM ‘алкоголь’);

— существительные pluralia tantum попали в именной класс ƊE (*kare* ƊE ‘товары’), при наличии и другого немаркированного плюрального именного класса ƊI;

— весьма многочисленна группа существительных, попавших в класс NDE. Они оформлены аффиксом класса и классифицированы по семантическому принципу (поля «животные» — *alfadariire* NDE ‘мул’; «часть от целого» — *atarasre* NDE ‘красный орех кола’; «домашняя утварь» — *borgoore* NDE ‘тканое покрывало’; «отглагольное имя» — *massallaare* NDE ‘место для молитвы’);

— лексика, попавшая в класс NGOL, классифицирована по семантическому признаку «тонко-длинный предмет» (*mabaraswol* NGOL ‘белый тюрбан’). Таких лексем насчитывается не более 20;

— класс NGEL насчитывает около 30 заимствований с общим значением диминутива. При этом плюральные формы от части заимствований образуются по немаркированному плюральному классу ƊI, указывая на исконность диминутива (*kurkutu* NGEL — *kurkuti* ƊI ‘муравьиный лев’), а от других — по диминутивно-плюральному классу KON, указывая на диминутивный дериват (*yeriyel* NGEL — *yerihon* KON ‘серьга кольцом’);

— прочие классы (KI, KO, NDI, NDU, NGU, NGO и NGAL), насчитывающие от 5 до 20 заимствований каждый, более разнородны в семан-

тическом плане, однако лексические данные также указывают на семантический принцип классификации.

Формально-грамматическая стратегия адаптации заимствований (стратегия «свалочного класса») используется в меньшей степени, нежели семантическая, однако согласно ей были адаптированы около трети неличных заимствований. В идиоме фульфульде-джамааре в роли «свалочного» класса — приемника неадаптированных заимствований — выступает класс NGA (*galma* NGA — *galmaaji* ƁI ‘мотыга с двойным наконечником’).

Что касается образования плюральных форм, то здесь (за исключением класса NGEL) заимствованная лексика полностью адаптирована в классную систему. Полученные данные однозначно указывают на каноничность выбора плюрального класса для каждого из сингулярных.

При грамматической адаптации существительных система анлаутного чередования, безошибочно функционирующая в исконной лексике рассматриваемого восточного идиома фульфульде, не используется. Это не является исключительной особенностью заимствований из языка хауса; если заимствованное существительное адаптирует свой анлаут в соответствии с системой классного циркумфикса, его можно с уверенностью назвать полностью адаптировавшимся в систему языка.

* * *

В заключение приведем результаты анализа данных другого идиома пулар-фульфульде — западного идиома пулар-фута-джаллон, не имеющего прямого контакта с хауса и получающего заимствования через другие идиомы. Таких заимствований оказалось чуть более шестидесяти. Лексемы, заимствованные в идиом фута-джаллон, составляют подмножество лексем, заимствованных в идиом фульфульде-джамааре. Таким образом, при распространении заимствованной лексики через контактные идиомы в неконтактные отсеивается более 80 % заимствований. Заимствования «из соображений престижа» при отсутствии контакта не имеют более социолингвистической базы, а при заимствовании лексики культурного порядка выбирается другой язык-донор, из числа контактных.

И наконец, отметим, что заимствования, не имеющие синонимов среди исконно фульской лексики, составили чуть более трети, что демонстрирует скорее социальные, нежели культурные различия между этносами фульбе и хауса на контактной территории.

Сокращения

Act — активный залог; Caus — каузатив; Decirc — десирконстатив; Def — определенность; Inf — инфинитив; Md — медиальный залог; Pl — множественное число; plDE — лично-плюральный именной класс; Pot — потенциалис; Pot.w — слабый потенциалис; Sg — единственное число; sgNGOL, sgNDE, sgKI — сингулярные именные классы; sgO — (лично-)сингулярный именной класс.

Литература

Зубко 1980 — *Зубко Г. В.* Фула-русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1980.

Коваль 1997 — *Коваль А. И.* Именные категории в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 92–221.

Коваль 1998 — *Коваль А. И.* Маршруты интродукции заимствований в классную систему // Африка: общества, культуры, языки / Под ред. И. В. Следзевского, Д. М. Бондаренко. М., 1998.

Коваль 2014 — *Коваль А. И.* О внутренней классификации языковой группы пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 311–354.

Корпус пулар — http://corpuspulaar.somee.com/

Косогорова 2014 — *Косогорова М. А.* Имена существительные, заимствованные в язык пулар, и возможность их автоматической обработки // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во «Студия НП-Принт», 2014.

Abu-Manga 1986 — *Abu-Manga A.* Fulfulde in the Sudan: Process of adaptation to Arabic. Frankfurt: Dietrich Reimer, 1986. 279 p.

Arnott 1956 — *Arnott D. W.* The middle voice in Fula // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. XVIII. 1. London, 1956.

Baldi 2008 — *Baldi S.* Dictionnaire des emprunts arabes dans les langues de l'Afrique de l'Ouest et en swahili (Dictionnaires et Langues). Paris: Karthala, 2008.

Girei 2009 — *Girei A. U.* Hausa loanwords in Adamawa Fulfulde: A question of prestige or sociolinguistic necessity // When Languages Meet. Language Contact and Change in West Africa. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2009.

Greenberg 1962 — *Greenberg J.* The study of language contact in Africa // Colloque sur le multilinguisme. Symposium on multilingualism. Brazzaville, 1962. P. 167–176.

Hunwick 2004 — *Hunwick J.* West Africa and the Arabic language // Sudanic Africa. Vol. 15. Bergen, 2004. P. 133–144.

Leger 1998 — *Leger R.* Noun classes in Fulfulde: The «Pular» of Guinea and the «Fulfulde» of Sudan // Язык. Африка. Фульбе: сб. науч. статей в честь А. И. Коваль. М.: Европейский Дом, 1998. С. 323–334.

Noye 1989 — *Noye D.* Dictionnaire foulfouldé-français, dialecte peul du Diamaré du Nord-Cameroun. Paris: Librarie Orientaliste, 1989.

Seydou 1998 — *Seydou C.* Dictionnaire Pluridialectal des Racines Verbales du Peul. Paris: Éditions Karthala, 1998.

Zoubko 1996 — *Zoubko G.* Dictionnaire peul-français. Osaka: National museum of Ethnology, 1996.